

Ворота радуги

Есть такое поверье: если войдешь в «ворота» раскинувшейся на небе радуги — счастье не оставит тебя. Но сегодня говорить о таких понятиях, как счастье, вроде бы неприлично — разваливается мир, в котором мы прожили свои жизни. Все надо начинать с самого начала — а как! Пока наши эмоции и мысли мечутся в тисках отчаяния, безверия, кажется порой, что нет места ничему светлому, радостному. И как отрадно, когда вопреки всему происходит Праздник.

Три года назад молодой туркменский режиссер Какаджан Аширов поставил в молодежном театре-студии спектакль «Джан» по Андрею Платонову. Работа была оценена по достоинству и зрителями (пусть не сразу), и критиками (пусть в первую очередь «заезжими», в основном московскими), и, что бывает крайне редко, официальными кругами. А затем режиссер К. Аширов, художник Б. Амансахатов, композитор Д. Хыцыров, а также группа артистов — исполнителей центральных ролей были названы лауреатами Государственной премии страны в области искусства за 1991 год.

Фестиваль театрального искусства Туркменистана «Элемгошар» («Радуга»), проходивший недавно в Ашхабаде, подтвердил, что спектакль «Джан» случайностью не был. Две новые работы Аширова — «Игра огузов» и «Дели Домрул» тому подтверждение. Последний получил «Гран-при» фестиваля.

Оба спектакля выстроены на основе национального туркменского эпоса «Коркут ата», до самого последнего времени закрытого для широкого круга читателей. Создававшийся на протяжении нескольких веков, состоящий из разного рода сказаний, легенд, сказок, «Коркут ата», естественно, не представляет собой единого цело-

го. Потому столь различными получились и спектакли, поставленные Ашировым на сценах Академического театра драмы имени Молланепеса («Игра огузов») и Туркменского театра «Джан» («Дели Домрул»), того самого бывшего экспериментального — театр-студии, где состоялась когда-то премьера прославленного «Джана».

Мне думается, что о двух новых работах режиссера можно и нужно говорить в соответствии и в преемственности мысли и стиля художника. Однако многие критики, увидев на фестивале «Игру огузов», были, как показалось, несколько обескуражены, но «Дели Домрул» сумел вернуть им хорошее настроение, одарив надеждами на будущее молодого, сильного коллектива. А произошло это, думается, потому, что после глубокого психологического «Джана», с филигранной отделкой каждого характера, тщательной разработкой каждой ситуации, «Игра огузов» отличается некоторым плоскостным решением.

...Сын предводителя огузов, мужественный Ораз (Ч. Бердыев) попадает в плен к коварным гяурам, которые измываются над ним, пытаются убедить героя перейти на их сторону. Ораз остается тверд, не колеблясь даже и тогда, когда узнает, что в плен попала его мать. В самый драматический момент поспевают огузы — они отбивают своих у врагов, и трусливые, жалкие гяуры, опущенные благородным Оразом, успевают скрыться от возмездия. Вот, собственно, и все содержание спектакля, который выстроен в точном соответствии с материалом. Оба его акта четко разделены по внутреннему настрою, хотя и объединены единым понятием

«игры». Огузы играют в свое славное прошлое, напоминая и самим себе, и своим потомкам непреложные истины: есть мера условности и есть мера безусловности. Когда Ораз встречается с тигром-актером, смешно и неуклюже копирующим человеческие жесты, это игра условная, равная детской. Когда его мать Бурла хатын (О. Ишангульева), спрятанная, как и другие пленницы, под покрывало, внезапно появляется из-под него, готовая спасти сына, выдает себя, игра становится жестокой и безусловной — драматизм здесь не вымышлен.

В «Дели Домрул» движение сюжета протекает от простейшей комедийной коллизии (Домрул построил мост через канаву и с каждого проходящего берет дань. Близкие стыдятся его, жена готова уйти от скряги) до подлинных высот древнегреческой трагедии. Вторая часть спектакля представляет собой поединок Домрула с ангелом смерти Азраилом, которого своим безмерным хвастовством герой заставил явиться на землю. Вместо души Домрула Азраил согласен получить чью-то еще, и тогда бессердечный отправляется с просьбой о душе к отцу (А. Эсенов), а затем к матери (Н. Гурбанова). Но старики, прожившие на свете больше ста лет, отказывают ему: «Жизнь так прекрасна и сладка, сынок...».

На наших глазах протекает извилистый и мучительный путь души Домрула в прекрасном исполнении Т. Аннабердыева — от эгоистического самозамыкания к подлинным вершинам духа. Когда его герой приходит прощаться с женой (великолепна в этой роли Г. Аширова), он уже не думает о том, чтобы выжить, заплатив

страшную дань ангелу смерти. Жена сама выражает готовность отдать жизнь за мужа. Развязка неожиданна и эпически величественна — Аллах повелевает Азраилу (М. Бекиев) искать иную душу, подарив жизнь всем окружающим Домрула, и тогда, в финале, все персонажи постановки, протягивая ладони зрительному залу, приближаются к нам, словно каждому даруя свет надежды.

В самом начале спектакля «Игра огузов» сказитель (Т. Аннабердыев) объясняет, во имя чего затевают персонажи свою игру, — чтобы «ведать о прошлом и пророчить будущее». Думается, этими словами можно сформулировать эстетическую программу Какаджана Аширова и его артистов.

Театральное зрелище, как известно, немислимо вне красоты света, цвета, музыки, сценографии — с Ашировым работали такие прекрасные художники, как Б. Караджаев, С. Шакулиев, Б. Гульмамедов. Успех спектаклей по праву должны разделить и они. Быть может, воплощение эпоса особенно настоятельно требует такого единомыслия.

Какаджан Аширов вновь вошел в «ворота» радуги. И «Элемгошар» стал праздником не только для него — каждый из зрителей был одарен Чудом.

Чудом сопричастности, единения, особенно дорогими для нас сегодня.

Наталья
СТАРОСЕЛЬСКАЯ.
АШХАБАД.

● «Дели Домрул». Жена — Г. Аширова, Домрул — Т. Аннабердыев.

● «Игра огузов». Сцена из спектакля.

Фото А. Гусейнова.

